

Великий Путь безжалостен, годы безмолвны, а река судьбы неумолимо катит свои воды вперёд.

После встречи с Дицзян и Хуньдунем Бисе и Тяньлу создали новую семью, став друг другу самыми близкими существами. В эпоху древности они жили тепло и безмятежно. В погожие дни Дицзян выводила их погреться на солнышке и поискать пропитание, а в ненастье укрывала Бисе и Тяньлу своим телом, создавая для них надежный приют, защищенный от ветра и дождя. Хуньдунь же, сталкиваясь с могучими свирепыми зверями, всегда заслонял их собой, не позволяя причинить им вред. Бисе и Тяньлу в ответ ухаживали за шерстью Дицзян и Хуньдуня, поддерживая их в чистоте и согревая их жизнь своими радостными голосами.

Однако такая жизнь не могла длиться вечно. В те времена на небе сияли десять солнц, рожденных из десяти золотых воронов, дарующих миру свет и тепло. Для могучих древних существ это не было проблемой, но по мере развития человечества десять солнц стали приносить невыносимый зной. Ради выживания своего народа один великий лучник, воспользовавшись божественным луком и стрелами, одолженными у первородных божеств, сбил девять золотых воронов одного за другим.

В одночасье мир, лишившийся света и жара, погрузился во тьму и холод. Последний уцелевший золотой ворон, Цзиньши, оказался в плену у Бисе и Тяньлу — он служил для Дицзян постоянным источником пищи. Наблюдая за гибелью своих братьев и сестер, Цзиньши терзался горем, но в то же время испытывал облегчение от того, что остался жив. Однако, видя, как мир вокруг сковывают ледяные ветры и снега, как гибнет всё живое, он не мог сдержать жалости.

— Отпустите меня, — взмолился Цзиньши. — Если так пойдет и дальше, все погибнут.

Но в ответ услышал лишь упрямое возражение Тяньлу:

— И не надейся! Нам нужно больше тепла!

Цзиньши терпеливо объяснял:

— Если я не буду освещать землю, все живые существа умрут. Вам разве всё равно?

Для Тяньлу выбор между всем миром и Дицзян был очевиден. Он наотрез отказался:

— Если ты уйдешь, Цзянцзян умрет от голода! Мне плевать, я тебя не отпущу! Ау-ау!

Тяньлу и Бисе были непреклонны. Но Цзиньши был прав: Дицзян чувствовала, как гаснет слабый свет, исходящий от всех живых существ, как мир движется к гибели. Она оказалась перед мучительным выбором: с одной стороны — великий долг перед миром, с другой — малая привязанность к жизни, к друзьям и семье.

Глубокой ночью Дицзян ворочалась, не в силах уснуть. В конце концов, доброта в её сердце взяла верх. Она тихо поднялась и подошла к Цзиньши. Тот проснулся от её движений и с

недоумением наблюдал, как Дицзян неуклюже развязывает путы на его лапах.

— Что ты делаешь? Хочешь меня отпустить? Подумай хорошенько: если я уйду, то уже никогда не вернусь, и вам меня больше не поймать.

Дицзян решительно кивнула, подтверждая свое намерение, и вывела обретшего свободу Цзиньши к выходу из пещеры. Цзиньши бросил на неё прощальный взгляд, словно пытаясь запечатлеть её образ в памяти, затем издал пронзительный крик, взмахнул крыльями и взмыл в небо, отдавая миру весь свой свет и жар, став последним солнцем.

Бисе и Тяньлу, разбуженные шумом, с тревогой смотрели в небо.

— А, Бисе, эта светящаяся курица сбежала! Что нам делать? — закричал Тяньлу.

Бисе смотрел на высоко парящего Цзиньши, чье тело излучало палящий свет, и в его глазах читалось бессилие:

— Проклятье, как же горячо, его уже не поймать!

Хотя Цзиньши и стал солнцем, он был слишком мал по сравнению со своими братьями и сестрами. Его света не хватало, чтобы полностью разогнать тьму и холод, и земля не могла прогреться до прежней температуры. Глядя на снег, который шел уже несколько сотен лет, Бисе дрожал:

— Почему снег всё не прекращается?

Тяньлу съежился, вздрагивая от холода:

— Бисе, мне так холодно!

Дицзян, чувствуя, как дрожат прижавшиеся к ней Бисе и Тяньлу, опустила свои крылья, пытаясь укрыть их от снежной бури. Резкая перемена климата оказалась губительной для многих божественных зверей, что привело к их первому массовому вымиранию. Но Дицзян в тот момент не чувствовала холода. Пусть она не умела говорить, но в свои последние часы, находясь рядом с верными спутниками, она ощущала тепло и радость.

Спустя долгий сон Бисе и Тяньлу очнулись и увидели яркое солнце.

— Бисе, снег перестал идти! — воскликнул Тяньлу.

— Да, кажется, становится теплее.

Тяньлу обрадовался, что солнце вернулось и Дицзян больше не будет голодать:

— Вставай! Скоро станет совсем тепло... Цзянцзян?

Бисе и Тяньлу похлопали её, пытаясь разбудить, но в ответ получили лишь холод её тела. Хуньдунь, почуввав неладное, примчался к ним и, прижимаясь к остывающей Дицзян, пролил горькие слезы. Тяньлу было невыносимо больно на это смотреть, но он попытался утешить друга:

— Большой, не надо, не плачь, Цзянцзян просто уснула!

Однако в мире Хуньдуня запах Дицзян исчез. Потеряв рассудок от горя, он метался из стороны в сторону.

— Куда ты? Не бегай так!

— Ау-у!

— Успокойся, остановись, если ты уйдешь, Цзянцзян не увидит тебя, когда проснется.

— Ау!

За долгие годы совместной жизни Хуньдунь прекрасно понял, что Дицзян была нужна этому солнцу. В тот момент, когда он перестал чувствовать её запах, его сознание погрузилось в хаос и ярость. Не обращая внимания на жар, исходящий от Цзиньши, не слушая уговоров Бисе и Тяньлу, он, ранив их в порыве безумия, устремился к солнцу.

Тяньлу бросился следом, изо всех сил стараясь догнать его:

— Большой, не уходи! Вернись, пожалуйста, вернись!

Бисе бежал за Тяньлу, крича:

— Не гонись за ним, Тяньлу! Остановись!

Как бы Тяньлу ни старался, догнать Хуньдуня он не мог. Он остановился и обнял подбежавшего Бисе:

— Бисе, Большой улетел... и Цзянцзян не просыпается... У-у-у... Мне больно, Бисе...

Неизвестно, что болело больше: сердце от потери друзей или раны, нанесенные Хуньдунем. Бисе принялся слизывать кровь с ран на спине Тяньлу, останавливая кровотечение.

— Не плачь, раньше ведь мы тоже жили вдвоем. Ты потерял много крови, пойдем домой.

— Бисе... Большой вернется? А Цзянцзян проснется?

— Обязательно, Тяньлу. Мы никуда не уйдем, будем ждать их здесь.

— У-у... Бисе...

Бисе и Тяньлу начали свое долгое ожидание рядом с Дицзян. Как и прежде, они спали,

прижавшись к ней. Долгий, бесконечный сон.

С их погружением в забытие закончилась эпоха древности. В этот же миг раздался щелчок, и на яйце Пицю, которое много лет оставалось неподвижным, появилась трещина. Золотой однорогий Пицю пробил скорлупу и выбрался наружу, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Фух, наконец-то выбрался. Кажется, я очень долго спал.

Тут он заметил на скорлупе некое подобие голосового сообщения, словно вросшего в поверхность.

— Это имя, которое дал мне мир? Попробую нажать.

Пицю склонил голову набок, разглядывая надпись, и коснулся её пушистой лапой. В следующее мгновение раздался голос:

— Ты — Пицю, твое имя Хаожи. Воспроизведение завещания завершено, самоуничтожение через три секунды: три... два... один... Бабах!

Хаожи не успел даже осознать свое имя, как скорлупа под ним внезапно взорвалась, подбросив его высоко в воздух.

<http://bllate.org/book/20816/2093551>